

Промотался-прогулялся купеческим сын, до того пришло, что есть нечего; взял он лопату, вышел на торговую площадь и стал поджидать — не наймет ли кто в работники. Вот едет семисотный купец в раззолоченной карете; увидели его поденщики и все, сколько ни было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Остался на площади всего-навсего один купеческий сын.

— Хочешь работы, молодец? Наймись ко мне, — говорит семисотный купец.

— Изволь; я за тем на площадь пришел.

— А что возьмешь?

— Положи на день по сотне рублей, с меня и будет!

— Что так дорого?

— А дорого, так поди — ищи дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты приехал — все разбежались.

— Ну, ладно! Приходи завтра на пристань.

На другой день поутру пришел купеческий сын на пристань; семисотный купец давно его дожидается. Сели они на корабль и поехали в море.

Ехали, ехали — посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие, а у самого берега что-то словно огнем горит.

— Никак пожар виден! — говорит купеческий сын.

— Нет, это мой золотой дворец.

Привалили к острову, вышли на берег; навстречу семисотному купцу прибежала жена вместе с дочкою, а дочь — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Тотчас они поздоровались, пошли во дворец и нового работника с собой взяли; сели за стол, стали пить-есть, веселиться.

— Куда день ни шел! — говорит хозяин. — Сегодня попируем, а завтра и за работу примемся.

А купеческий сын был собою молодец, статный, рослый, кровь с молоком; полюбился он красной девице. Вышла она в другую комнату, вызвала его тайком и дала ему кремень да кресало:

— Возьми, будешь в нужде — пригодится!

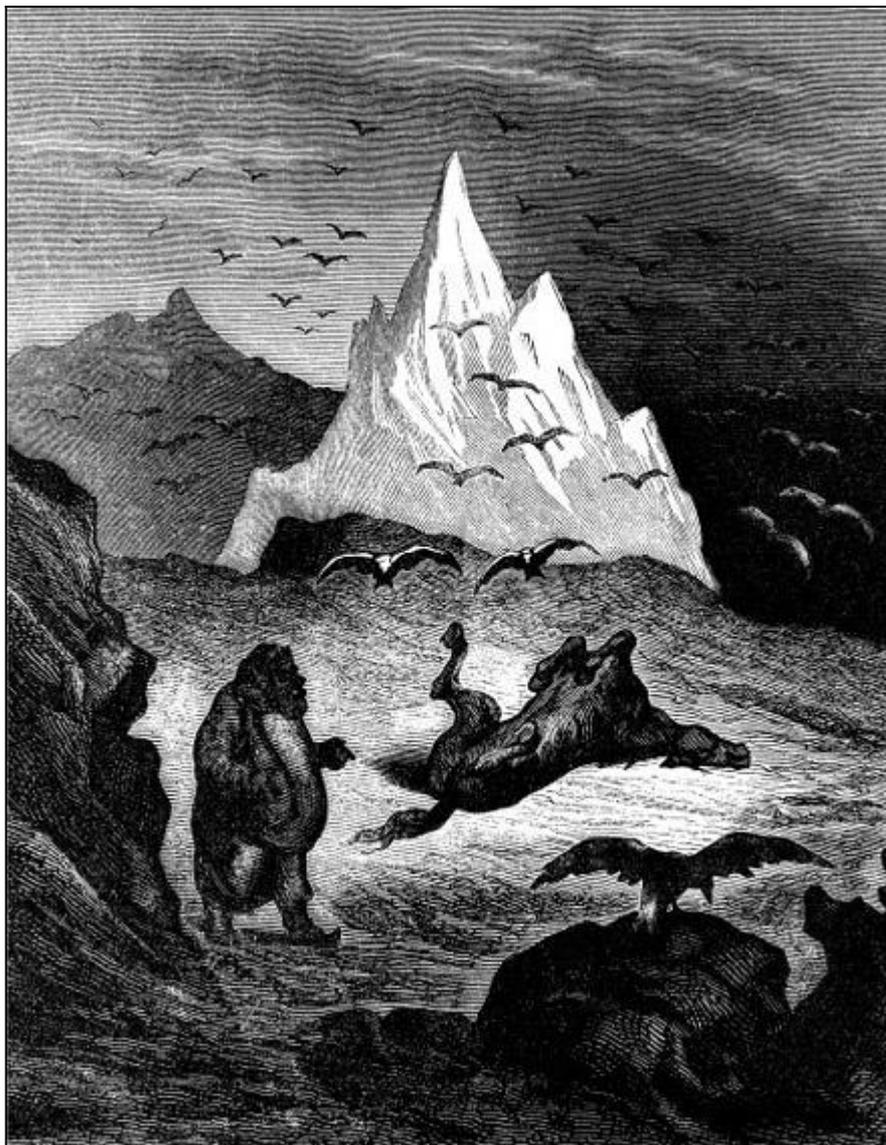
На другой день семисотный купец отправился с своим работником к высокой золотой горе: лезть на нее — не взлезть, ползти — не всползти!

— Ну-ка, — говорит, — выпьем наперед.

И поднес ему сонного зелья. Работник выпил и заснул. Купец достал нож, убил ледащую [плохой, негодный.] клячу, выпотрошил, положил парня в лошадиное брюхо, сунул туда лопату и зашил, а сам в кустах притаился. Вдруг прилетают вороны черные, носы железные, ухватили падаль, унесли на гору и ну клевать; съели лошадь и стали было добираться до купеческого сына. Тут он проснулся, от черных воронов отмахнулся, глянул туда-сюда и спрашивает:

— Где я?

Отвечает семисотный купец:

— На золотой горе; бери-ка лопату да копай золото.

Вот он копал-копал, все на низ бросал; а купец на возы складывал. К вечеру девять возов поспело.

— Будет! — говорит семисотный купец. — Спасибо за работу, прощай!

— А я-то?

— А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгинуло; с тобой ровно сто будет! — сказал купец и уехал.

«Что тут делать? — думает купеческий сын. — Сойти с горы никак нельзя; приходится помереть голодной смертью!»

Стоит на горе, а над ним так и вьются вороны черные, носы железные: видно, добычу почуяли! Стал он припоминать, как все это сделалось, и пришло ему на ум, как вызывала его красная девица, подавала кремень да кресало, а сама приговаривала: «Возьми, будешь в нужде — пригодится!» — «А ведь это она недаром сказала! Дай попробую». Вынул

купеческий сын кремень и кресало, ударил раз — и тотчас выскочило два молодца:

— Что угодно? Чего надобно?

— Снесите меня с горы к морскому берегу. Только успел вымолвить, они его подхватили и бережно с горы снесли.

Идет купеческий сын по берегу, глядь — мимо острова корабль плывет.

— Эй, добрые люди корабельщики! Возьмите меня с собой.

— Нет, брат! Некогда останавливаться, мы за эту остановку сто верст сделаем.

Миновали корабельщики остров — стали дуть им ветры встречные, поднялась буря страшная.

— Ах! Видно, он не простой человек; лучше воротимся да возьмем. Повернули к острову, пристали к берегу, взяли купеческого сына и отвезли его в родной город.

Много ли, мало ли прошло времени — взял купеческий сын лопату, вышел на торговую площадь и ждет наемщика. Опять едет в раззолоченной карете семисотный купец; увидали его поденщики, все врозь рассыпались, по углам попрятались. Оставался один купеческий сын.— Наймись ко мне, — говорит ему семисотный купец.

— Изволь! Положи на день по двести рублей и давай работу.

— Экой дорогой!

— А дорогой, так поди — поймай дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты оказался — сейчас разбежались.

— Ну, ладно! Приходи завтра на пристань.

Наутро сошлись они у пристани, сели на корабль и поехали к острову. Там один день прогуляли, а другой настал — к золотой горе отправились. Приезжают туда, семисотный купец подносит работнику чарку:

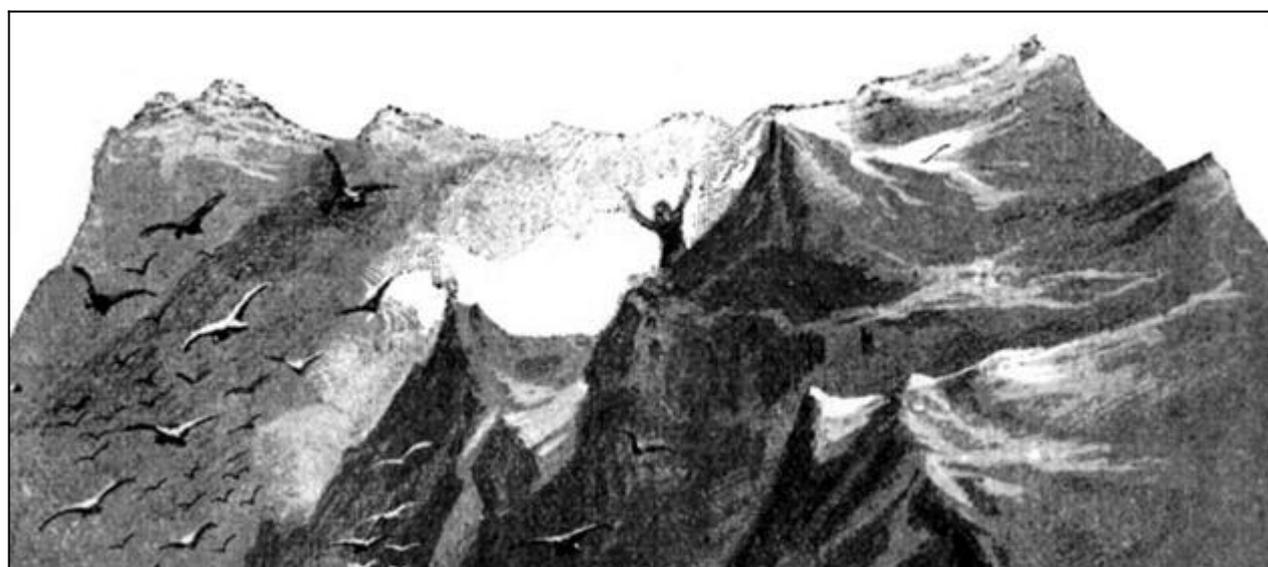
— Ну-ка выпей наперед!— Пстой, хозяин! Ты всему голова, тебе первому и пить; дай я тебя своим попотчую.

А уж купеческий сын загодя сонным зельем запасся; налил полный стакан и подает семисотному купцу. Тот выпил и заснул крепким сном. Купеческий сын зарезал самую дрянную клячу, выпотрошил, положил своего хозяина в лошадиное брюхо, сунул лопату и зашил, а сам в кустах спрятался.

Вдруг прилетели вороны черные, носы железные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать. Пробудился семисотный купец, глянул туда-сюда.

— Где я? — спрашивает.

— На горе; бери-ка лопату да копай золото; коли много накопаешь, научу — как с горы спуститься.

Семисотный купец взялся за лопату, копал-копал, двенадцать возов накопал.

— Ну, теперь довольно! — говорит купеческий сын. — Спасибо за труд, прощай!

— А я-то?

— А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгнуло; с тобой ровно сотня будет!

Забрал купеческий сын все двенадцать возов, приехал в золотой дворец, женился на красной девице, дочке купца семисотного; овладел всем его богатством и со всей семьей переехал жить в столицу. А семисотный купец так на горе и остался; заклевали его вороны черные, носы железные.

